

Анализ повести Ф. М. Достоевского «Двойник» на практическом занятии в вузе

Владимир БРАЖУК, канд. наук, доцент,
Бэлэкий госуларственный университет имени Алеку Руссо

Summary: *Attention is focused on the interpretation of the theme of duality in the novel "The Double" by F. M. Dostoevsky; the author investigates the social aspect of the personage's duality, the opposition between the Senior Golyadkin and the Junior Golyadkin in the character system, as well as the multifaceted image of the main character of the story.*

Key-words: *personage, character, antithesis, duality*

«Двойник» – одно из самых трудных и недостаточно понятных произведений Ф. М. Достоевского. «Двойник» – повесть, пересказать которую невозможно: рассказчик во многом близок герою (культурный уровень, стиль речи, психологическое состояние); точки зрения героя и рассказчика сближаются, события изображаются в том фантастическом виде, в каком они происходят в потрясенном и возбужденном воображении главного героя.

Два подзаголовка повести «Двойник» выражают не только жанровые свойства произведения, но и авторскую идею. Очевидно, что под первым подзаголовком «Приключения господина Голядкина» Достоевский подразумевал традиции авантюрного (плутовского) романа, а также отсылал читателя к гоголевскому сюжету о чичиковском путешествии. Ассоциации усиливаются во втором подзаголовке «Петербургская поэма», точнее, в жанровой характеристике автора: «поэма». Однако, в проекте Достоевского о «Двойнике» две жанровых характеристики отнюдь не противоречат друг другу, а сводятся к определению данного произведения как «романа» при предпосылке, что в данном случае «поэма» – все же метафорическое понятие.

С другой стороны, во втором подзаголовке нет «нашего героя», зато господствует «Петербург». В этом смысле убедительно мнение А. М. Панченко: «двойничество есть тема петербургская, порожденная и завещанная реформами Петра» (Панченко 1984: 143), во втором заголовке подчеркивается взаимосвязь «раздвоения страны и двойничества личности» (Панченко 1984: 144). Соотнесенность судьбы личности с судьбой страны вновь соответствует жанровому замыслу автора о «Двойнике» как о романе: роман, в принципе, предполагает, что личностная история разворачивается в более широком ракурсе – в собственно историческом плане.

В общих чертах сюжетная канва повести заключается в том, как некий чиновник сходит с ума. Специалисты-психиатры отмечали, что Достоевский предельно точно воспроизвел ряд проявлений расстроенной психики, клинику и механизм заболевания. Сюжетом повести становятся не только реальные события, но и «поток сознания» Голядкина, то есть внутренний сюжет, где герой видит себя вне себя: это встреча с двойником и борьба с ним (по сути борьба с самим собой). Завершается повесть совпадением сюжета внутреннего и внешнего: сошедшего с ума Голядкина увозят в карете.

Человек противоречив, он добр и зол одновременно, поэтому и двойник Голядкина не столько появился, сколько «проявился», как верно заметил Ю. Г. Кудрявцев, иными словами, двойник был всегда. Доказательство этому служит то, что еще задолго до встречи со своим двойником Голядкин раздваивался.

Уже на первых страницах повести, когда герой смотрит на себя в зеркало, реальность и внутренние представления героя о себе различны, то есть в реальности он «заспанный, подслеповатый, оплешивевший, фигура незначительного свойства», но внутренне герой всего этого не замечает и «остается совершенно доволен всем тем, что увидел в зеркале». Далее, когда Голядкин встречается с Андреем Филипповичем, он хочет «стушеваться», остаться незамеченным, шесть раз повторяет «не я, не я, не я» и добавляет, что это «кто-то другой, разительно схожий со мной...» – все это он произносит мысленно, в сознании.

В разговоре Голядкина с Кристианом Ивановичем, а затем и молодым регистратором герой сам дает себе характеристику и говорит, «что он, как все, ...что он не хуже других»; «...я иду своей дорогой, особой дорогой, ...не от кого не завишу, ...дорога моя отдельно идет...»; «я не мастер красно говорить... и многое говорить не умею, ...зато я действую...»; «Я человек простой, незатейливый, и блеска наружного не во мне»; «Действую не втихомолочку, а открыто, без хитростей...»; «Иду я ...прямо, открыто и без окольных путей...»; «Маску надеваю лишь в маскарад...» (Достоевский 1972: 111-114). Так, мы узнаем, что герой окружен врагами, что он «не лошит паркет сапогами», что он «не заигрывает и не подлизывается... и не сует свой нос туда, где его не спрашивают». Это все представление Голядкина о себе, таким он себя видит, но, следуя за его поведением на балу у Ольги Ивановны, за его поступками и действиями, мы видим совершенно другого человека; то есть снова раздвоенность между представлением Голядкина о себе, как о лучшем и достойном, и реальностью, где он исповедует иезуитские принципы, заключающиеся в том, что все средства хороши, лишь бы цель была достигнута. Целью же, мечтой господина Голядкина является Клара Олсуфьевна, дочь статского советника Берендеева. Его отделяет от нее ряд ступеней табели о рангах: «Он был титулярный советник, она генеральская дочь» (Достоевский 1972: 120). Ради достижения своей цели, все средства оказываются хороши, и идет Голядкин, не прямо и открыто, а именно окольными путями; пробирается на бал с черного хода тайком и втихомолочку.

Куда же так хочет пробиться Яков Петрович Голядкин? Куда его не пускают с парадного входа? В какой круг стремиться попасть? Это становится ясно, когда мы видим, кто собирается на семейном балу у Ольги Ивановны. Как отмечает В. Е. Ветловская: «Вместо родных и братьев в доме Ольги Ивановны собирается департамент: юный регистратор, столоначальник, советник, начальник отдела» (Ветловская 1976: 62). На родственном бале все в сущности определено чиновною табелью о рангах. Голядкин страстно желает пробиться в этот социальный круг среднего чиновничества; он желает «быть как все, домогаясь уважения и признания своих скромных достоинств». Но его с позором отвергают, изгоняют, исключают из своей среды. Здесь примечательно то, что *все* против Голядкина: он хочет «быть как все», но они не желают видеть его в своей среде. Общество вообще безлично, не имеет лица, и обществу безразлична судьба Голядкина, именно поэтому общество описывается через безличные глаголы: «все стояло, молчало, выжидало, зашептало, захохотало, спрашивало, кричало, рассуждало» (Достоевский 1972: 124). Голядкин отвергнут, осужден, осмеян всеми, опозорен навсегда; слуги выводят его из квартиры и выталкивают на лестницу.

Голядкину кажется, что он попадает в бездну. Ночь ужасная: ветер, дождь, снег, хмара. Природа, как и общество, враждебно герою, она заодно с его врагами.

Вот при таких-то обстоятельствах, когда Голядкин «был убит – убит вполне, в полном смысле слова», когда хотел «убежать от себя», «не быть», и его одолевали страх, тоска, и полнейшее отчаяние, появляется «кто-то», «прохожий, незнакомец, человек как все», но, что самое страшное, такой «как он». Голядкин бежит за таинственным человеком, предчувствуя что-то нехорошее, но «все, чего он опасался и что предугадывал, совершилось наяву», у него в доме. «Ночной приятель его был никто иной, как он сам, – сам господин Голядкин, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам, – одним словом, что называется, двойник его во всех отношениях...» (Достоевский 1972: 129). Впервые появляется слово «двойник». Пятая глава является центром сюжета. С шестой главы все меняется: борьба Голядкина с двойником составляет основное содержание оставшихся глав. По сути это борьба с самим собой, ведь Голядкин-младший есть дурная половина собственной души героя, воплощение таящихся в нем самом стремлений к житейским успехам, к карьере, достигнутой любой ценой. Эта борьба может закончиться только смертью. Кто-то должен победить. Либо подлец Голядкин-младший, либо «честный» Голядкин-старший. Именно поэтому в повести часто повторяются слова: «Самоубийца я этакой».

Двойник Голядкина – Голядкин-младший – полная противоположность ему. Он находчив, дерзок, изворотлив. Без усталости юлит и лебезит перед сослуживцами и начальством,

умея ко всем «подбиться», «примазаться», «нашептать и наподличать». Легко и быстро добивается он расположения и покровительства всех окружающих. Все то, чего не хватает Голядкину-старшему для того, чтобы сделать карьеру и подняться вверх по иерархической лестнице, – все это есть у Голядкина-младшего.

То есть двойник господина Голядкина есть мыслимое воплощение жизненной позиции героя, поэтому они прекрасно понимают друг друга, когда Голядкин старший приглашает к себе Голядкина-младшего. «Ну да ведь мы с тобой, Яков Петрович, сойдемся... мы, дружище, за одно хитрить будем; с своей стороны будем интригу вести в пику им...» (Достоевский 1972: 130)

Сопоставляя Голядкина-младшего и Голядкина-старшего, мы видим, что двойник героя, Голядкин-младший, последовательнее своего оригинала, он откровенен и циничен и идет в этом направлении более «прямою дорогой». Голядкин-старший действует напротив: он подличает «втихомолочку», с постоянной «оглядкой», об этом и говорит фамилия Голядкина, на что обращает внимание В. Е. Ветловская, то есть метатеза (Голядка = оглядка).

По Далю фамилия имеет значение «голь, нищий, голый», а также «...ляд – все негодное и недоброе, дух пакостей, нечистый, черт».

И действительно, Голядкин-младший входит в доверие к Голядкину-старшему, используя все повадки нечистого: «юлит, семенит, нашептывает». В. Е. Ветловская отмечает и то, что у Голядкина-младшего «ножка коротенькая», как у всех чертей. Беда Голядкина в том, что он замечает только внешнее сходство со своим двойником (рост, склад, форменная одежда, лысина) и совершенно не обращает внимание на внутреннее сходство. А между тем это и есть самое опасное, то есть «разумея» и «мысля» точно также как он, двойник Голядкина посягает на самое важное, чем герой владеет, – его душу. Из гостя героя он в сущности делается его хозяином.

Фамилия героя «Голядкин», чаще всего встречающаяся в тексте, не очень приятно звучит. Не только в эстетическом восприятии читателей, но и в плане судьбы героя эта фамилия предсказывает что-то негативное. Как утверждает В. Н. Топоров, в фамилии Голядкина намечается «экзистенциально-психологическая «периферийность»» с этнографической точки зрения (Топоров 1982: 129). Этим именем (Голядкин) Достоевский как бы назначил бытийное место героя в каком-то неприятном углу – периферийном подполье. Еще более интересно наименование «господин». Оно выражает дистанцию между автором и героем, вызывает бюрократическое и официальное, следовательно, «жесткое» впечатление.

Имя и отчество Голядкина – «Яков Петрович» – не раз привлекали внимание исследователей. Что касается имени, то убедительно замечание В. Н. Захарова. Согласно исследователю, в нем заложена семантика имени одного библейского героя «Иакова»: пята, подошва, нарицание плута, пройдохи, хитреца (Захаров 1990). А в отчестве Голядкина вряд ли надо подчеркивать подтекст Петербурга как города Петра Великого: слишком явно, что Голядкин изначально существует в тексте как сын Петра и Петербурга.

Несколько отрицательное отношение автора к своему герою, по сравнению с большими романами, яснее всего выражается в наименовании: «наш герой». Оно встречается около 185 раз в тексте, и если присовокупить другое аналогичное название («герой нашей повести»), то доходит почти до 200 раз. Поскольку «наш герой» оказывается мелочным и разоренным чиновником, то это название кажется пронизанным иронией. Явственной иронией над героем еще более усиливается общая авторская антипатия к герою. Действительно, прозвище Голядкина «наш герой» отличается, например, от «молодого человека», – эквивалента имени Родиона Романовича Раскольникова – наполненного теплой привязанностью автора к герою, или от «Алеши» – уменьшительно-ласкательной формы Алексея Федоровича Карамазова.

Двойник сначала поселяется в душе героя, а потом занимает его «место на службе и в обществе», заметим, что происходит это по предписанию начальства. Хотя у Голядкина последняя надежда на начальство, что именно там, в департаменте, всё разъяснится, но начальство даёт добро подлецу Голядкину-младшему. Невольно возникает вопрос у нас и у Голядкина-старшего: «Желал бы я знать, чем он именно берёт в обществе высокого тона? Ни

ума, ни характера, ни образования, ни чувства». И тут же ответ «...везёт шельмецу!» В обществе «высокого тона» ум и образование лишние, надо уметь только «шельмовать», а Голядкин-младший на это мастер. И не случаен сон Голядкина, где уже появляется множество больных, множество подлецов и от них некуда сбежать, «народилось наконец страшное бездна совершенно подобных».

Эта «бездна», которой так боялся Голядкин и есть общество с его социальной несправедливостью. Голядкин оттого и сходит с ума, что хочет быть «как все» в этом обществе, хочет пробиться на вершину социальной лестницы, но для этого надо уметь «юлить и подличать» открыто, а в нём всё-таки ещё сохраняется что-то от совести, и он только видит другого в самом себе, который более смелый, чем он, и который может добиться успеха. Неслучайно Голядкин в отличие от общества нам симпатичен именно потому, что у него есть лицо, а общество безлично. Голядкин не утрачивает своего лица именно потому, что он постоянно балансирует между добром и злом. Общество же превратилось в «бездну» потому, что олицетворяет зло, его социальную несправедливость и совершенное бездушие.

«Бездна», которой так страшится Голядкин, встречает и хоронит его в последней главе: «Людей было бездна». Они выносят его на руках и заботливо усаживают в карету, словно покойника.

Все с нетерпением ждут. «Только что проговорил Голядкин, что он вручает вполне свою судьбу Крестьяну Ивановичу, как страшный, оглушительный, радостный крик вырвался у всех окружающих...» (Достоевский 1972: 153) Смертный приговор герою, одобренный «радостными криками», обозначает, что гибель господина Голядкина была не только самоубийством, но, прежде всего, убийством. Лицемерная и подлая действительность сначала с неизбежностью создаёт господ Голядкиных, а потом их казнит.

Несчастливого увозят в карете. Круг замкнулся. Кольцевая композиция: в начале повести Голядкин выезжает в карете, в конце его увозят в карете. Всю повесть Голядкин в дороге, всю повесть он петляет, поворачивает, возвращается, блуждает по своей дороге-жизни, борясь с добром и злом внутри себя.

Библиография:

1. Ветловская В.Е. *Средневековая и фольклорная символика у Достоевского*. // Культурное наследие древней Руси. – М., 1976
2. Достоевский Ф.М. *Двойник*. // Достоевский Ф.М. Пол. Соб. Соч. в 30-и томах. Т.1 – Л., 1972.
3. Захаров В.Н. *Библейский архетип «Двойника» Достоевского*. // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1990.
4. Кудрявцев Ю.Г. *Три круга Достоевского: событийное, временное, вечное*. – М., 1991.
5. Панченко А.М. *Русская культура в канун петровских реформ*. – Л., 1984.
6. Топоров В.Н. *Еще раз об «умышленности» Достоевского*. – Таллин, 1982.